

Теннадий Коваленко

Казачья жизнь

Геннадий Коваленко

**Прозвища казаков донских и
кубанских станиц. Казачья жизнь**

«Издательские решения»

Коваленко Г. И.

Прозвища казаков донских и кубанских станиц. Казачья жизнь /
Г. И. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834580-7

Каждое прозвище имеет свое объяснение, свою, так сказать, историю. Многие из этих «историй» носят такой характер («неудобосказуемый»), что их будет очень трудно изложить в печати. Нельзя сказать, чтобы объяснения прозвищ отличались особым остроумием или глубиной, но все же мы считаем полезным запечатлеть их на страницах нашего — семейного, так сказать — казачьего журнала, чтобы сохранить их для будущего.

ISBN 978-5-44-834580-7

© Коваленко Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Прозвища донских казачьих станиц	6
Вступление	6
Аксайская станица. «Чулок с сюзьмой»	7
Александровская станица. «Армяшка казачку обманул» или «а пол чистый!»	8
Аржановская станица. «Овцы»	9
Багаевская станица. «Лапшу в самоваре варили»	11
Баклановская станица. «На бороне бурдюк перевозили через Дон», «Бурханы»	12
Бессергеновская станица. «Гужеды»	13
Бело-Калитвенская станица. «Теплошапки» или «Папахи»	14
Богоявленская станица. «Половинка»	15
Верхне-Кундрюченская станица. «Воробьи». «Воробьи хлеб склевали»	16
Станицу Верхне-Курмоярскую дразнят «Бугаи»	17
Станица Верхне-Чирская. «Таранка сено поела»	19
Вёшенская станица. «Куцые, Ломохвостые»	20
Гниловская станица: «Попа в вентерь поймали»	21
Станица Голубинская. «Капуста»	22
Грабевская станица. «Твой жёлтый, мой жёлтый...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Прозвища казаков донских
и кубанских станиц
Казачья жизнь
Геннадий Иванович Коваленко**

© Геннадий Иванович Коваленко, 2016

ISBN 978-5-4483-4580-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Прозвища донских казачьих станиц

Вступление

Есть у казаков такое обыкновение: давать прозвище-кличку каждой станице. И так это прозвище прочно и крепко приклеивается, что никакими средствами его не отклеишь. Любят казаки подтрунить друг над другом – глядишь, в самый неподходящий момент и напомним казак собеседнику: «а как вашу станицу дразнят («дражнут»)? Как ни отрещивается казак, как ни отпирается, горячо доказывая, что его станица – «самая беспорочная», все равно толку не будет: задавший коварный вопрос знает, конечно, про станицу всю подноготную. И станичнику ничего другого не остается, как тут же взять реванш: задать встречный вопрос зубоскалу: «а твою как?»...

Эта, столь обычная в казачьем быту, словесная перестрелка проходит обыкновенно в добродушном, веселом тоне: тут нет желания обидеть, все делается «любя»... На родине, правда, случалось и иначе (на пример, во время майских лагерных сборов), особенно в тех случаях, когда подтрунивание неосторожно переходило известную границу, когда оно грубо задевало самолюбие целой станицы, превращалось в издевательство: тогда дело доходило иногда и до очень серьезного.

Каждое прозвище имеет свое объяснение, свою, так сказать, историю. Многие из этих «историй» носят такой характер («неудобосказуемый»), что их будет очень трудно изложить в печати. Нельзя сказать, чтобы объяснения прозвищ отличались особым остроумием или глубиной, но все же мы считаем полезным запечатлеть их на страницах нашего – семейного, так сказать – казачьего журнала, чтобы сохранить их для будущего.

Станичников, которые прочтут здесь о своих станицах, просим не обижаться: делаем мы это – печатаем – «любя», стремясь сохранить везде, где только можно, каждую черточку нашего казачьего быта. А если, прочитав про вашу станицу, сосед начнет зубоскалить – утешьтесь: напечатаем потом и об его станице.

Начинаем со старшего брата – Тихого Дона, расскажем и о станицах Вольной Кубани и Бурного Терека, не забудем, и об остальных казачьих Войсках. Просим только помочь нам присылкой необходимых сведений о всех станицах – кто о какой знает. Мы понимаем, что о своей станице писать неудобно и на этом не настаиваем, но почему же не написать о соседней, памятуя, что сосед все равно напишет о вашей станице?

Пока печатаем то, что любовно собрано и прислано нам сотрудником-донцом Борисом Кундрючковым (у него запас большой и не только о Войске Донском), а к тому времени, когда его список будет исчерпан, надеемся получить подкрепление и от вас, наш читатель.

Н. Мельников.

Аксайская станица. «Чулок с сюзьмой»

На Дону из заквашенного молока готовили кисломолочный продукт, называли его сюзьмой. Для этого его выливали в холщовый мешочек и давали жидкости в течении суток стечь, после чего подавали к столу.

«Чулок с сюзьмой» так дразнят казаков станицы Аксайской. Связанно это с тем, что аксайские казачки решили сэкономить на мешочках для сюзьмы, и стали её готовить в своих чулках, решив, что большой беды в том не будет. И в таком виде они носили сюзьму продавать на базар. Казаки соседних станиц, узнав об этом, ославили как аксайских женщин, так и казаков аксайчан на всё Войско. Чтобы им впредь было неповадно торговать сюзьмой в своих чулках.

По другой версии, мать одного казака отправила с оказией сыну на службу гостинцы. Когда казак стал разлаживать присланную из дома снедь, то всех его товарищей заинтересовало, что ему прислали в чулке. Когда чулок развязали, то выяснилось, что там сюзьма.

Александровская станица. «Армяшка казачку обманул» или «а пол чистый!»

Александровскую станицу дразнили «армяшка казачку обманул» или «а пол чистый!». А всё почему? Да из-за игривого характера местных жалмерок. Казаки то на службе, а они без мужского внимания, а соблазнов то в городе пруд пруди. Как говорится: грех воровать, а не миновать. Кавалеры всегда найдутся утешить. Александровские казачки носили в Нахичевань на базар кислое молоко, каймак, сыр и прочее и иногда «грешили» там с местными армянами. Те, парни горячие, обходительные.

И вот один раз, когда казачки возвращаясь гурьбой из Нахичевани в станицу, одна другую спрашивает: «кума, а чего у тебя вся спина в пыли?» Другая, в ей в ответ: «У, проклятый армяшка, а сказал, что пол чистый». А тут, как на грех, в толпе были казачки из другой станицы, и услышали весь их разговор. С тех пор и приклеилось к александровцам это насмешливое прозвище. Долго потом соседи потешались над незадачливыми станичниками.

Аржановская станица. «Овцы»

Обидное для казаков прозвище, что тут скажешь, да сами виноваты, коль чабаны пьяницы придурковаты. По словам Е. Н. Ермакова, весной аржановские станичники собирали хозяйских овец в одну отару и выгоняли на пастбище. И всё б ничего, да нанялся к станичникам чабан. Чабан как чабан и герлыга при нём, и куцый имеется, да в голове ветер веется. Погнал он овец пасти и искать станичникам напасти. Захотелось чабану выпить, да денег чёртма, не поможет и кума. А душа то горит.

Глядит по дороге купцы-шибай едут скот скупать. Совсем невтерпёж ему стало. Говорят не пьёт казак на небеси, а тут, кому не поднеси. Эх, была, не была, думает чабан, глядишь шибай стаканчик поднесут. А те ни в какую. Ты, говорят ему, овец нам продай, а потом и про магарыч дело веди. Подумал чабан и продал всю отару купцам

Денег полон гаманец и пошёл гулять подлец. Как говориться, пока казак в седле, он не пьян, а навеселе. Где шинок да кабачок, там и наш казачок. А чтобы станичники особо не волновались, он вывесил на своём балагане бумагу:

Не тужите аржановцы,
Не пропали ваши овцы,
Старые и малые,
Все пошли по одной цене.

Однако другие соседи аржановцев уверяют, что дело отнюдь не так было. Говорят, будто продал чабан станичную отару проезжим купцам, да «честным» человеком оказался. Решил повиниться, мол повинную голову и меч не сечёт. На следующий день станичникам заявил, что овец бирюки порезали. Казаки на коней и в степь, а овец и след простыл. Ни крови, ни шерсти. Прознали о том соседи и сочинили о них частушки, а самих аржановцев «овцами» прозвали.

«Не тужите, аржановцы,

Не пропали ваши овцы,

Все по трёшнице пошли».

Этой частушкой намекали о том, как нанятый аржановцами чабан продал их овец проезжим купцам, свалив пропажу на волков.

Арчадинская станица. «Гуси», «Гусаки»

Прозвище своё казаки Арчадинской станицы получили за свою любовь к гусятине, которая и стубила их репутацию. Не весть в каком году, служили арчадинцы в Польше. Всё б хорошо, да не подают к казачьему столу гусятину. Оно то и свинина с говядиной, не постная пшёнка, да просит душа гусёнка. Вот и решили арчадинские казаки гусей украсть да оскоромиться. Сказано сделано, в воскресный день, стащили они у одного поляка пару молодых гусак, сунули их в оклунок и айда в ближайший лесок. А тут как на грех полковой командир на коляске едет. Казаки во фронт встали, глазами начальство едят.

– И куда это вы станичники путь держите? – спашивает он их.

– Да вот, ваше высоко благородие, видите ли куцый наш сотенный сдох, похоронить хотим.

Только они так сказали, как оклунок зашевелился и гусаки загоготали. Полковой командир то же не дурак был, враз сообразил в чём дела.

– Ах вашу мать, перемать, бесовы вы гусаки! Под арест мерзавцев на десять суток!

Так и приклеилось это прозвище за арчадинцами -«Гусаки». Как их иностранники увидят, так и начинают по гусиному гоготать.

Багаевская станица. «Лапшу в самоваре варили»

Это сегодня Багаевская славна огурцами да помидорами. Лет 100 – 150 назад станичников называли лапшуками или лапшевниками. А пошло всё из-за того, что багаевцы приноровились варить лапшу в... самоваре: уверяли, что так она получается вкуснее всего. Как говорится, на Дону, брат, самовар, варит и лапшу, и взвар. Впрочем, самовар самовару рознь. Тогда в самоварах не только воду кипятили, но на полевых работах и борщ варили и кашу. И эта багаевская привычка забавляла казаков из других хуторов и станиц, ещё не оценивших достоинство таких самоваров.

Баклановская станица. «На бороне бурдюк перевозили через Дон», «Бурханы»

В перечне станичных прозвищ Н. Е. Ермакова Баклановскую «дражнят» – «На бороне бурдюк перевозили через Дон». Это не совсем точно. Пустой бурдюк не было никакого смысла укладывать на борону и плавить через Дон. (Раньше железных борон не было. И казаки пользовались деревянными боронами. Они конечно под тяжестью груза могли притопляться, но крепко притороченный груз не мог утонуть). Следовательно, бурдюк был не пустой, а что-то имел в себе, раз был положен на борону. Но что? Вот об этом было подробно рассказано в стихотворении, которое было прибито на стенке в комнате вахмистра 3-ей сотни 2-го Донского казачьего полка. К сожалению, эти замечательные стихи, где главным действующим лицом был казак Семен, я не помню. Но в 1923 г. в Болгарии мне рассказал его хорунжий Е. Е. Канканов (из урядников) Н. Курмоярской станицы, отбывавший действительную службу в 3-ей сотне 2-го Донского Казачьего полка. История эта приблизительно такова.

Дело было в стародавние времена, когда станица называлась еще Гугнинской. Станица была расположена на правом берегу Дона. И с восточной, и западной сторон она была окружена непроходимыми чиганаками (болотами). Бродов ни в станице, ни в ее окрестностях не было. Для переправы на левую сторону Дона – пешие переправлялись на баркасах, а конные – вплавь. В те времена казаки станицы часто делали набеги в калмыцкие степи. После каждой переправы в набег, баркас из предосторожности отводился обратно на правую сторону. На случай же погони калмыков, что случалось часто, когда на вызов баркасов не было времени, на левом берегу были сложены бороны для перевозки на них в таких случаях добычи и седел.

В один из таких набегов гугнинцы (ныне баклановцы) ограбили калмыцкий молельный дом (хурул) и взяли там золотую статуэтку Будды (изображение калмыцкого бога – в казачьем наименовании «Бурхана») и положили ее в бурдюк, который нашли там же. Калмыки организовали погоню. Перед казаками, прискакавшими к Дону, встал вопрос: Как же быть с «Бурханом»? Вот тут-то казак Семен и дал совет укрепить бурдюк с «Бурханом» на бороне и таким образом переправить его через Дон. Так и было сделано. Но история кражи гугнинцами калмыцкого бога «Бурхана» и переправа его через Дон в бурдюке на бороне стала быстро известна по соседним станицам. С тех пор гугнинцев (баклановцев) и стали величать «Бурханами».

Б. Кундрюцков.

В интернете часто приводится другое прозвище казаков станицы Баклановской: «На баране бурдюк перевозили». Однако нигде толкование этого «дражнения» не даётся. И надо думать, что это обычная опечатка, когда вместо слово «борона», было написано «барана».

Бессергеновская станица. «Гужееды»

А вот приезд в станицу Бессергеновскую архиепископа Новочеркасского оказался смазан банальным воровством. От того и прозвище бессергеновцы получили. Собрались почти все бессергеновцы в станичной церкви, не каждый год сам архиепископ службу проводит. Пока тот вёл службу в храме, несколькими вороватым казакам глянулись гужи на архиепископских лошадях, доставивших владыку. Славная была упряжь, наборным серебром украшенная. Вот её то казаки и украли, не побоявшись божьего гнева.

Когда вышел владыка из церкви, то обомлел: лошади стояли распряжёнными. Даже дара речи лишился. Стоит на паперти глаз выпучив, как рыба воздух ртом глотает. Отошёл маленько – разошёлся. А потом видит, что толку от этого чуть, обозвал бессергеновцев «Гужееды вы окаянные!». Махнул с досады рукой и велел атаману новую упряжь найти, да коней запрягать. А высказанное в сердцах обидное слово закрепилось за бессергеновцами. А тут, как на грех, казаки из соседних станиц понаехали на владыку посмотреть и прозвали станичников гужеедами. Так и прилипло это прозвище.

Бело-Калитвенская станица. «Теплошапки» или «Папахи»

Казаки Бело-Калитвенской станицы и зимой и летом в папах гуляют. Солнце жарит во всю, духота – мочи нет, а они – в папах. Пот так с них и льет, усы, слипшиеся, мочалкой висят и по ним пот на землю течет, а не снимают они шапок. Как говорится, пар костей не ломит. Жалко их даже. И чего они мучаются?

А получили белокалитвенцы своё прозвище так. Ехали как—то казаки через их станицу. Смотрят, станичники стоят у крайнего куреня. Все как один средь лета в шапках. Удивительно стало заезжим гостям.

«Ей, станишники, вы чего в теплых шапках ходите?»

«Убирайся-ка ты, человек, по добру, по здорову...»

«Чего-то сердчаете вы очень?»

«Не лезь не в свое дело... Ты откедова знаешь, какая через час погода может быть? Как трахнет мороз, тридесят градусов, нам и переодеваться не надо, а тебе шло домой бежать... Во-о понял?»

«Понял...».

Посмеялись гости проезжие, а прозвище к ним так и прилипло на мертво. И стали их казаки соседних станиц дразнить: «теплошапками» или «папахами».

Было ещё одно совсем неприличное прозвище белокалитвенцев – «верблюдка». Объяснение его считалось невозможным. А потому и мы не будем его здесь приводить.

Богоявленская станица. «Половинка»

От чего казаки станицы Богоявленской такое прозвище получили не известно. Однако есть воспоминание казака Фомина об этом прозвище, мы его и приведём.

Вот за эту «половинку» мне чуть было сильно не влетело от моего сотенного вахмистра Т. О. Богаевского. (Кстати, Н. Е. Ермаков не упомянул, что Богоявленскую станицу дразнят «половинкой»). Вахмистр был как раз Богоявленской станицы. Был он строгим, но и справедливым. Однажды после утренней уборки зовет меня вахмистр и говорит: «Вот тебе кусок латки, иголка и нитка – почини мне этот матрас». Это был матрас, на котором казаки приседают после прыжка через кобылу. Я примерил латку на дыру, она оказалась мала. Я и говорю вахмистру: «Господин вахмистр, эта половинка мала...». Вахмистр вспыхнул: «Што, што ты сказал?» – по видимому, он подумал, что я его дразню «половинкой»... Не знаю, чем бы это кончилось, но выручил меня мой взводный урядник: «Господин вахмистр, он еще молод и не знает, что значить слово «половинка»... Он говорит, что эта латка слишком маленькая, чтобы залатать дыру...». Вахмистр строго посмотрел на меня и сменил гнев на милость: «Если этот кусок мал, возьми другой...».

Фомин.

Верхне-Кундрюченская станица. «Воробьи». «Воробьи хлеб склевали»

Говорят, что казаки ст. Верхне-Кундрюченской получили своё прозвище из – за своей жадности. Полагалось станичникам иметь в станице хлебный магазин, куда каждый казак-домохозяин должен был ссыпать часть своего урожая, для общественных и войсковых нужд. А тут неурожай. Приздумались казаки, и так, мол хлеба мало, а тут ещё в хлебный магазин ссыпай. Собрались на сбор. покумекали и решили, в этом году хлеб в него не ссыпать, авось окружное начальство и не прознает, а на следующий год, мол, мы засыплем. Да недаром ведь говорят, что авось с небосем водились, да оба в яму свалились. Понадеялись, что авоська парень добрый: или выручит, или выучит.

А он взял да выучил. Как на грех, вскоре окружной атаман с проверкой приехал. Встретили его казаки честь по чести. Льготные казаки при полном параде на майдане выстроились – приветствуют. Да видать, кто то атаману доложил о беспорядке с хлебным магазином. Требуется он его открыть для ревизования. Делать нечего, отомкнул станичный атаман замок, распахнул двери, а там хлеба кот наплакал. Спрашивает окружной, а хлеб, мол, где господа казаки? А станичный, возьми да брякни, что это, мол, жида (воробьи) в магазин залетели, да и хлеб склевали.

Долго бушевал окружной, судом да карами грозился. Дошла молва о том конфузе кундрюченцев до соседей и те прозвали их «воробьями».

Станицу Верхне-Курмоярскую дразнят «Бугай»

Дело было в конце апреля, начале мая. В станицу должен был навеститься Окружной атаман. По расписанию он должен был прибыть в 12 часов дня. Для его встречи на церковной площади собралась вся честная станица – станичный атаман с почетными стариками посередине, позади них расположились казаки, а по сторонам казачки и детишки. Чтоб не ударить лицом в грязь, станичный атаман несколько раз прорепетировал, как надо отвечать на приветствие Окружного. Атаману то, хоть и первую чарку, да и первую палку, если что не так.

Солнце уже приближалось к обеду и палило немилосердно. Но атаман приободрял казаков: терпи мол казак – атаманом будешь. Жили деды в славе, и мы перед Окружным атаманом себя не ославим. Слышно было назойливее жужжанье мух и оводов. От площади до края станицы, по улице, по которой должен был ехать Окружной, были расставлены махальные со строгим наказом, как только увидят пыль на главной дороге, немедленно дать знать станичному начальству. Стоят махальные, маются, стараются в холодке укрыться.

А в это время недалеко от станицы и около главной дороги один бедный казак разборанивал вспаханную землю. Не досуг ему атаманов встречать. На службу сынов собирай, туда – посылай, пришёл – помогай, призвали – опять сынов снаряжай. В борону были запряжены бугай да маленькая худая коровенка. Хочешь, не хочешь, а боронить надо. Как говорится: Бог не выдаст, татарин не съест. И бугай худоба, будут боронить оба.

Солнце в зенит, в голове от жары звенит. Чем выше оно поднималось, тем сильнее степь накалялась. А тут мухи да бзык и худобе той, хоть в крик. Облепили скотинку со всех сторон и грызут её немилосердно. Бугаю с коровенкой то, со всем невмочь. Хоть беги сломя голову куда глаза глядят. Брыкаются, мордами мотают, беспрерывно хвостами секут, тщетно стараясь согнать «кровопийцев», устроившихся на передних лопатках, спине и под животом. А поле то не за бороновано. Казак сам в крик, ругается, хлещет плетью нудящуюся худобу. Вот солнце уже почти в зените. Бугай и коровенка, не выдержав укусов мух и бзыка. Совсем взбеленились от жары и понесли во всю ивановскую задрав хвосты в станицу, на баз, в сарай. Плюнул казак, бросил на землю плеть и грустно смотрел на убежавших с бороной бугая с коровенкой. Вскоре коровенка, выпряглась и оторвалась, а бугай с бороной, выбравшись на главную дорогу, мчался в станицу, окутав себя густым облаком пыли.

Махальный, что стоял на краю станицы, завидя на главной дороге клубы пыли, решил, что это на тройке едет Окружной и дал сигнал следующему махальному. На площади станичный атаман, получив сигнал о приближении Окружного, подал команду построиться и приготовиться к встрече, а сам выдвинулся немного вперед. Вот пыльное облако уже в станице: топот, грохот, будто не один Окружной атаман едет, а целый поезд с Войсковым атаманом несётся.

Все, затаив дыхание, как замороженные, следили за ним. Борона на ухабах улицы подрыгивала, производя сильный грохот, что создавало впечатление, что это действительно мчится тройка. Когда бугай с бороной, вынесшись с невероятным грохотом и окутанный облаком пыли, увидел перед собой толпу людей, то от неожиданности остановился, как вкопанный, и взревел «Б-у-у-у-» Собравшиеся же на площади, не видя ничего в облаке пыли и будучи уверены, что это приехал Окружной, приняли рев бугая за его приветствие и дружно гаркнули – «Здравие желаем, Ваше Превосходительство»

Когда же пыль немного рассеялась, все увидели перед собой бугая с бороной, дико вращавшего глазами и рывшего ногами землю. На флангах, где стояли бабы и дети, раздался гоме-рический хохот. Станичный атаман в сильном смущении протирает глаза, как бы еще не веря случившемуся.

Такой досадный промах станицы быстро стал достоянием её соседей. И с тех пор «бугай» стал шефом славной Верхне-Курмоярской станицы. А как завидят казаки верхнекурмоярцев: «Смотри братцы, „бугай“ намётом бегут, где бороны потеряли, станичники!» А что ж ославленные станичники? Кто по дале пошлёт, а большинство в шутку переведёт. Казак то молодец на шутку не сердится, да в обиду не вдаётся.

М. Я. Борисов в своем письме в редакцию «Родимого края» сообщает, что казаков Верхне-Курмоярской ещё «гагарами» дразнили. А вот почему, не припомнит. Как говорится: враки, что кашляют раки, то казаки шалят.

Станица Верхне-Чирская. «Таранка сено поела»

В станице Верхне-Чирской был луг для станичных жеребцов. Сено, которое косили казаки, они складывали в стога. Луг этот заливало водой, и оттого скирды ставились на высоких местах. Когда вода сбывала, вокруг каждого скирда оставался мокрый круг от ушедшей воды. Однажды Верхне-чирцы хватились сена, а его нет. Чем теперь жеребцов кормить? Казаку без коня горе, как стругу без бабаек в море. Станица была строгая. Устроили сход. Так и так, то да се.

– Сена наша пропало, чего быть не должно...

– По причине такой выбрать комиссию... Все честь честью.

– Произвести дознание... Как его так: сено было, а сейчас его нет?

Казаки разгорячились. Выбрали несколько человек, что б съездили на место происшествия, разъяснили все обстоятельство. А наказ дали самый строгий: все доложить в точности, как и что и почему?

Сено растащили, конечно, проезжие да мимоезжие. А так как они, по-видимому, вовсе не торопились красть, а даже еще и закусывали, то на месте, где сложено было сено, побросали обгрызенные головки от тарани.

Комиссия долго гуляла по лугу, строила всяческие предположения. Да в голову, очевидно, с большого похмелья одна дурость лезла. Думали, гадали, когда их дедки бабок знали и, наконец... вернулась. Встречают их атаман со стариками и спрашивают:

– Ну што?

– Да ничего вроде...

– Как ничего...

– Да так. Кругом мокро, а посередь тараньи головы валяются... должно тарань сено наше и поела... Подплыла... Известное дело... Голод не тетка.

Смеху-то было в соседних станицах, когда там узнали о решении комиссии: «Все кузни исходили, а не кованы возвратилися». Дурака по делу пошлешь, и следом пойдешь. От того и прозвали верхне-чирцев: «Таранка сено поела».

Вёшенская станица. «Куцые, Ломохвостые»

«Дражнение» казаков Вешенской станицы («куцые» да «ломохвостые») существовало и в стихах. Дело в том, что казаки с дьячком хорошо подгуляли. Как говорится: пока казак в седле, он не пьян, а навеселе. Да не даром люди говорят: не пей до дна – на дне дурак сидит. Ан нет, выпили, и поспорили с дьячком, мол кобель Цуцик, вместо звоноря в колокола бить будет, а святой церкви от этого не убудет. Втянули они кобеля гуртом на колокольню и давай в колокола бить. С перепугу, кобель совсем ошалел и выскочил из колокольни, и упав, сломал хвост. Спустились станичники с колокольни и стали думать-гадать, как горю кобелиному пособить, как починить хвост. Но сколько думу не думали, так и не решили чем кобелю помочь, и остался кобель ломохвостым, а с ним и вся станица. Дознались об этом соседи вёшинцев, да и стихотворение на них сочинили:

В Вешенской станице
Кобель упал со звоницы.
Звали его Цуцучком
На колокольню манили кусочком.

Стали думать и рядить,
Как же быть:
Если приварить,
То не будет служить;
Если припаять,
То не будет стоять;
Если приклепать,
То не будет вилять.
Если...
То...

И дальше» если» и «то», но ничего не нашли станишники... Так и остался кобель куцым на весь век, как и все вёшенские казаки.

Гниловская станица: «Попа в вентерь поймали»

Отцы духовные частенько играют видную роль в прозвищах станиц. Вот и в Гниловской целая история с попом случилась. И грустная, и весёлая в одно и то же время... Виной ей одна жалмерка. Красивая была баба. Длинные волосы, светлые глаза, большие ресницы – и чуть-чуть приметные для внимательного взгляда усики... Пух такой над верхней губой розовой.

Ну, как тут устоять, если жалмерка она? Никак, то есть, не устоять. А гниловской поп был как кочет, что курей топтать хочет. Как посмотрит на неё поп, хоть об землю – хлоп! Ухмыляется, что кобыла, на овес гляючи. Не даром ведь говорят, что в чужую жену черт ложку меду кладет.

Вот и потерял поп голову. Начисто потерял. Вместе со своею чёрной бородой. Да в таком деле – как ее не потерять? Загляделся раз, другой, она ему подмигнула левым глазом – ска-тилась у попа с плеч голова и... Пропал поп! Ночку у ней, да через день, ещё одну, потом ещё и ещё – так и пошло, как по писанному. Уж о постах-то он и думать позабыл. Да и какие тут посты, посудите сами... Скажут: у попа – попадья... Ну, что ж с того? Попадья попадьею и останется... Разгулялась поповская кровь. Недаром у нас в Донской области Поповых – тьма и один человек! Не даром в пословице говориться: «Горох в поле, да жалмерка в доме – завидное дело: кто ни пройдет – тот щипнет». Прокрадется через сад и в дом к ней шмыг, – только его и видели.

Но нет ничего тайного, что бы ни стало явным. Проведали об этом родственники мужа жалмерки, и заговорила тут семейная гордость:

– Што-ж это? Это-ж безобразие одно?! – возмутились два старших брата. – Сёмка служит, а жена не тужит, с попом веселится, грешит и не постится? ... И стали на попа охотиться. Только ухватить его никак не удаётся. Известно – ночи темные, для жалмерки томные. А поп в темной одежде хоронится – его от куста, скажем, и не отличить.

Бились братья, бились, и догадались, снастью обзавестись. Теперь, думают, попу не спастись. Поставили в саду на дорожке большой вентерь, что в Дону ставится. Как поп был у своей любушки, зашли с другой стороны куреня и давай в окна громко стучаться – пугать:

– Э-ей, – кричат, – отвори-ка... Дело важное есть... Это мы – Ивановы братья... Схватился поп, сгрёб, что под руку попало, и кинулся вон в окошко. На дворе ни зги, как бы не вышибить с испугу мозги! В темноте забежал поп напрямик в вентерь – и назад ходу ему не оказалось. Попал как кур в ошип – погиб поп, погиб! Братья тут как тут, попу бока намяли. Сказали потом, что мол не разглядели, что поп. Паки и паки – съели попу собаки; да кабы не дьячки, разорвали б на клочки.

Пропал поп! Вся станица поглядеть на попу сбежалась... Сидел он в вентере, словно зверь за решёткой. И смех, и грех, один на всех! Слава то про попу по всему Дону разойдётся. Посидел, посидел, а делать то нечего. Стал при всём народе стал каяться:

– Простите меня, православные, а вам, Бог простит... Погиб я, погиб... Погиб за даром... за усы... Бес – он знает, на какую приманку кого поймать!

Посмеялись казаки с бабами, головы почесали, да и решили попу простить. Говорят, каков игумен, таковы и братья. Попа то простили, да сами ославились. Теперь, чуть что сразу гниловцам попу в вентере припоминают.

Станица Голубинская. «Капуста»

Ехал как то казак со службы. На радостях, что скоро дома будет, и сынишку к груди богатырской прижмет, и жену молодую обнимет, и тыны поправит, хозяйство подновит, – закупил он разнаго гостинцу. И жене, и сыну, и всем, кто дорог был его казачьему сердцу. Оно известное дело: казак на Дунае или в Польше служит, а жалмерка на Дону тужит.

– Вот – думает – порадую домашних...

Для жены же купил новые ботинки. Что это были за ботинки?! Форсу в них – бездна! Блестят, как жар. Шагнёшь в таких – скрипять. А ежели на ноги надеть – рыпу не оберешься...

– Вот, ето ботинки, такъ ботинки... радовался казак. Вед, ето, как она, моя то, пройдет – усех въ жар бросит. И старых, и молодых... А уж про бабье говорить не приходится: ежели от зависти не подавятся, так мужей поедом съедят... И што за ботинки! Настоящие гусарики, не ботинки – мечта любой казачки! Хоть на стол станови да глазами ешь!

Уложил их в сумы и едет домой. Едет и песенку себе курлычит. Потом улыбнется и начнет чего-то подмигивать, да плечом поводит. Усы закрутил, и папаха у него святым духом держится – чисто приклеенная. На самом – что ни на есть – затылке... Не казак, а кочет, кого хошь потопчет!

Случилось служивому проезжать станицу Голубинскую и в той станице заночевать. Остановился он в одном курене. Стал раскладаться, – видит: молодайка по куреню ходит – вертится, боками поводит и глазишшами своими черными стреляет во все стороны. Сама из себя пригожая, да красивая такая. Косы у ей черныя, что ворона крыло, брови густыя, а уж губы-то, губы – кровь... Того и гляди, лопнут: нежныя такія, кожица на них тонкая, что папиросная бумага.

Искусился казак. Помутилось у него в голове. Достал он ботинки, стал их в поднятой руке поворачивать. Того и гляди как на базаре зазывать покупателей начнёт: подходи, подешевело, расхватали не берут.

– Их – говорит – вот ботиночки! Жане везу... Вот ето так ботиночки...

А сам косит взглядом на молодуху. У той дух занялся, как увидала она обновочку. Стала – ровно пришитая, глаз не сводит.

А казак, шельма, надавит ботинки, а те: ри-ип! Сам бы хаживал, да кобелей приваживал. Да не девка он казак. Эх! отвертай хоть образа!

Достал этот рип до женскаго сердца, ухватился за него и никуды не отпускает... Моргнул ей казак, а она только голову наклонила... Пошел казак на двор... Перед ночью воздухом подышать... Кровь у него молодецкая бурлит, наружу просится, в сердце толкается... А на базу смеркается.

Перелез через плетень и стал раздумывать:

– А что же я жене то привезу?..

Хорошо, что та мысля, не явилась опосля. Ведь гусарики одне, что лежат в его суме. И решил этих ботинок ни под какую цену не отдавать, а надуть как-нибудь молодуху...

Срезал у ней на огороде два качана капусты, завернул в платок и вернулся в курень. Положил их под подушку. А когда пришла ночька, а с ночьюкой, таясь, пробралась к казаку казачка – провели они сладкое время...

– А ботиночки иде? – спрашивает она.

– Ды у тебе ж в головах... отвечает казак.

Нажмет казачка затылком подушку, а капуста под ней: ри-ип!

– Рипи – рипи, – приговаривает бабочка – сегодня в головах, а завтра будешь на ногах рипеть...

Поутру уехал казак дальше в путь-дороженьку. Схватила его казачка Голубинской станицы, а казака и след простыл. Подняла подушку: узелок... развязала она узелок, а в нем – два кочана капусты. И заплакала она горько, горько...

Да что-ж? Бабы слезы – все одно, что вода. Крепилась молодка крепилась, да подруге свою беду поведала, а та другой. И разнёсся вскоре слух тот по станице, да и до соседей дошёл. Был бы звонарь да колокол, а звон долетит, это не чувал тащить волоком. Вот так и ославила одна молодуха станицу, да так, что звон дошёл и до столицы. Как завидят соседи голубинцев, задирают их: эгёй, «капуста» едет!

Грабевская станица. «Твой жёлтый, мой жёлтый...»

Была в станице Великокняжеской ярмарка. Поехали на неё два старика станицы Грабевской – Чакмеш и Бембе, на людей посмотреть и себя показать. На ярмарке ведь всегда много интересного: товары и сено, скот и много других интересных вещей. Там можно было встретить и знакомых из дальних станиц, узнать новости, выпить, попеть любимые песни и т. д.

Чакмеш и Бемле осмотрели ярмарку, успели повидать и выпить со своими знакомцами (с Абушей и Эрендженом), с донцами (Никифором Ивановичем и Игнатом). Развеселились старики и стали под конец бродить между балаганами, поднимая сапогами цветные бумажки, разбросанные по земле, и надумали купить себе, чего ни будь нового, и в то же время хорошего.

А решив, остановиться в одном из ярмарочных рядов и призадумались. Тут Чакмеш увидел, как казак ест необычный жёлтый шарик и причмокивает от удовольствия.

– Хорош? – спросил он его.

– Хорош – отвечал казак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.